

Любовь Казарновская: «Сегодня оперой правит мафия»

Знаменитой певице надоело петь ради заработка

Андрей Хрипин

Казарновская – та редкая персона среди нынешних классических певцов, которую в нашей стране знают почти все (Гимн на стадионе тоже делает свое дело). Это человек, о котором говорят домохозяйки и до хрипоты спорят прожженные интеллектуалы. Мнения о ней доходят до крайностей: от полного восторга до полного неприятия. Ощувив внутреннее охлаждение к опере (или наоборот – оперы к ней?), Казарновская вызываясь ринулась в смежные области, пытаясь комбинировать оперу, эстраду и драму, чем вызвала на себя огонь блюстителей чистоты. Спела с Басковым, Киркоровым и в нескольких собственных шоу. Не раз услышала в свой адрес возгласы, что голос потерял. Организовала свой фонд (Русское музыкальное просветительское общество Любви Казарновской) и вместе с мужем, продюсером Робертом Росциком занимается международными проектами, успев привезти к нам нескольких заметных персон оперы: Ренату Скотто, Франко Бонисолли, а прошлой осенью в «дни «Норд-Оста» устроила в Кремле оперную дискотеку с «секс-символом мировой оперы», аргентинским тенором Хосе Кура.

Сегодня складывается впечатление, что оперный конвейер вращают уже не великие творческие личности, а игры импресарио и круговорот капитала. Говорят, что голос на шестом месте и нужно просто иметь агента со связями. Так ли это?

– К сожалению, так. Оперой сегодня правит не музыка, а мафия. Международный рынок превратился в бардак. С моим независимым характером и ин-

дивидуальностью я не могу и не хочу больше находиться на этом рынке. Переезжать из театра в театр, петь одно и то же ради заработка уже неинтересно. Если это не специально собранный по случаю премьеры звездный гала-состав, то будничная картина даже в самых хороших театрах весьма печальная. Я достаточно покрутилась в этой машине – пусть теперь в эти тяжкие пускаются новые мальчики и девочки и хватают то, что дают.

– Не секрет, что русский вариант на Западе часто заканчивается отработанным шлаком...

– Увы. Хотя в этом плане по-прежнему крепко держат свои позиции наши «ветераны»: Гулегина, Лейферкус, Ларин. Здесь и труд, и везение, и хороший импресарио, и звукозаписывающие фирмы – пазл сложился! Но таких – немного. А уж если ты за-

хорошего педагога за границей. Я послушала его в оперном репертуаре, и вы знаете, у парня силаматушка оказалась будь здоров – как заорет!.. То есть первичные данные, чтобы стать оперным певцом, все налицо. Я сказала, что лучше, чем Карло Бергонци, его никто не научит. Они были на все согласны, и я дала факс в Италию. И так совпало, что параллельно начали готовиться его и мое первые сольные шоу в зале «Россия». Коля спросил меня, не хочу ли я спеть что-нибудь с ним в новом качестве. Я сказала, что мечтаю попробовать «Фантом оперы». Рашид сразу же ухватился за эту идею, я согласилась, и мы с Колей спели дуэтом. На следующее утро они звонят и говорят: «Ну все, он проснулся знаменитым, не надо никакого Бергонци, и Италия ни к чему». Как будто новый Элвис Пресли родился! Но я спокойно ответила, что они

Певец – тот же спринтер. Поэтому психика должна быть железной

крутился как следует, то, даже отпав свои лучшие годы, все равно будешь продолжать еще долго крутиться по инерции. С этой орбиты просто так не сходят. И русские – удобная спица в этом колесе. Лишнего не скажут из-за плохого знания языков, юридически не слишком подкованы, готовы на все ради заработка.

– Как начался ваш роман с шоу-бизнесом? Как вы пели и как разошлись с Николаем Басковым?

– Наши отношения с Колей начались незадолго до всплеска его популярности – тогда, по-моему, не было еще ни Посвящения Паваротти, ни Ленского в Большом театре. Его хозяева, господин Шпигель и исполнительный директор Рашид, обратились в мой фонд с просьбой найти мальчику

губят парня, и попросила забыть мой телефон. Они его забыли, но на каждом углу стали использовать наше с Колей выступление в рекламных целях, точно так же, как в один из его первых клипов были вмонтированы снимки с Каррерасом. Думаю, что и к Кабалье он попал благодаря своим контактам с серьезными певцами. Кобзон мне так и сказал, что я просто вытащила Баскова на своих плечах, помогла ему раскрутиться. Вместо благодарности во всех интервью Басков стал заявлять, что помог Казарновской вернуть утраченную популярность на родине и что благодаря ему меня узнали широкие массы.

– И все-таки в чем же главная вокальная проблема Коли?

– Сравните Баскова с похожим явлением в Италии – Андреа

Любовь Казарновская: «Не надо быть ханжами».

Фото ИТАР-ТАСС

Бочелли. У Бочелли маленький, но безумно красивый, сладкий голос. У Баскова – большой, но некрасивый. Его главная техническая проблема – плоский горловой звук, почти народная белая манера. Ему надо освободить зажатое горло, чтобы звук шел через все тело. Басков не прибил ни к тому, ни к друго-

му берегу. Пора принимать решение. Ориентир Коли Магомаев в свое время не усидел на двух стульях и повернул в сторону эстрады. Или там – или там. Связки привыкают к определенному режиму работы. Оперное и эстрадное пение – противоположные вещи. Конечно, их можно объединять.

Но только большим мастерам. Паваротти и Доминго – боги, им позволено больше других.

– Когда вы поете на стадионе Гимн Российской Федерации, нет ли в этом компромисса?

– Отнюдь. Не надо быть ханжами. Когда Паваротти поет гимн Италии перед ответственными состязаниями, а Доминго – гимн

Испании, это придает событию особый патриотический статус, а гимну – особую звучность. Ко мне обратились за помощью, чтобы приподнять наш гимн, дать ему лицо. Дело ведь не в плохих или хороших словах, а в том, любите вы Россию или нет. Много голосов обвиняют меня в поповости и киче, но я не боюсь этого. Если веришь в то, что делаешь, тебе ничего не страшно.

– Кто должен стоять во главе Большого – директор-завхоз или менеджер-интендант?

– Мне кажется, что это должна быть одна личность, вокруг которой закрутится вся эта колоссальная машина, как Мариинка закрутилась вокруг Гергиева. Лучше всего, если это будет дирижер. Но это из области фантастики, потому что на сегодняшний день я такой личности в нашем дирижерском цехе не вижу. У нас редко случается золотая середина – чаще либо сумасшедшие, либо чиновники. Но это может быть и певец – вспомните Беверли Силлз на посту директора «Сити Опера». И конечно, Большому нужна шикарная административно-финансовая группа, болеющая за дело. Самый продуктивный вариант, когда управление автономно поделено на две составляющие – творческий менеджмент и административно-хозяйственный. Трудность Большого театра в том, что ему не подходит ни одна из западных театральных систем в чистом виде – из всех моделей надо выбрать лучшее и по крупницам составить свое. А то, что господин Ведерников ни для кого не авторитет, – очевидно. Тем более его окружение.

– Оперу часто называют музыкай толстых. Почему многие певцы такие толстые?

– Потому что много едят. Диафрагма певца давит на желудок, и создается ложное ощущение голода. Они наедаются. Не могут остановиться. Это становится рефлексом. Постепенно меняется обмен веществ и соответственно внешний вид. В конце концов человек обречен на ин-

валидность. И сколько таких жертв оперы!

– Психологические причины могут влиять на качество пения? – А как же! Возьмите Каллас. Неврозы и женские неудачи на фоне резкого похудения и колоссальных певческих нагрузок привели к тому, что голос Марии разрушился – он не пропал совсем, но это уже не был голос Каллас. Половина нашей вокальной работы – психическая. Уже один выход на растерзание к публике является страшным стрессом. Певец – тот же спринтер. Психика должна быть железной. Поэтому – бег, контрастный душ, моржевание.

– Хворостовский считает, что сексуальная жизнь непосредственно перед выступлением сильнее сказывается на тенорах и женских голосах, чем на баритонах и басах. А вы что скажете?

– Все должно быть в меру, главное, не пытаться себя перепрыгнуть. Есть певицы, которые без этого дела не могут выйти на сцену, и за два часа «до» им нужен мужчина. Надо прислушиваться к своему организму. Не думаю, что есть такая уж большая разница между мужчинами и женщинами в этом плане – дело в индивидуальных различиях конкретных людей.

– Есть ли у вас сценические фетиши или суеверия?

– Если я нашла гвоздь, гайку или шуруп по дороге на сцену, то это к удаче.

– Вы никогда не думали, что оперный менеджмент – ваше второе призвание?

– Наверное, так оно и будет, но попозже – не торопите меня.

P.S. И самая последняя новость. Московский арбитражный суд приостановил действие распоряжения Москомимущества о передаче второго этажа в особняке Всероссийского музыкального общества в Малом Кисловском переулке в пользу Русского музыкального просветительского общества Любви Казарновской. ■